

И. А. Гируцкий

ВИДЫ СЛОВЕСНЫХ АССОЦИАЦИЙ

Крупнейший лингвист XX в., швейцарский лингвист Ф. де Соссюр отмечал, что все члены языковой системы находятся между собой в двух видах отношений: синтагматических и ассоциативных. Эти отношения, по его мнению, соответствуют двум формам умственной деятельности человека, равно необходимым в словесном мышлении. Слова, сочетаясь друг с другом в речи, вступают между собой в синтагматические отношения, т. е. выстраиваются одно слово за другим в линейную последовательность. В этом построении каждое слово получает свою значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе» [1, с. 155].

Вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, обнаруживающие внутри себя разнообразные отношения между словами. Ассоциативное отношение объединяет слова в виртуальный, мнемонический ряд. Сознание создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений между словами группы. Слова, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке, т. е. нельзя предсказать число подсказываемых памятью слов и порядок, в каком они будут возникать. Ф. де Соссюр полагал, что ассоциативная общность между словами может возникать как по смыслу, так и по форме, либо только по форме, либо только по смыслу. Любое слово может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться [1, с. 155—159].

Дальнейшие исследования ассоциативной структуры языкового мышления привели к тому, что синтагматические отношения также стали включать в разряд ассоциативных связей. Синтагматическим, или горизонтальным, отношениям стали противопоставлять парадигматические, или вертикальные отношения, которые Ф. де Соссюр называл ассоциативными. При ближайшем рассмотрении структура ассоциаций в системе языка оказалась сложной и противоречивой, что привело к ее различным интерпретациям разными авторами. Известно много различных попыток классификации словесных ассоциаций. Особенности клас-

сификаций часто зависят от того, какие принципы — психологические, логические или лингвистические — кладутся в их основу.

Академик Ю. Н. Караулов подчеркивает, что при интерпретации ассоциативно-вербальной сети индивида, полученной в результате ассоциативных экспериментов, в ней обнаруживается причудливое переплетение собственно языковых данных (фонетических, семантических, грамматических) одновременно и со знаниями о мире, и с единицами высшего уровня — прагматикона личности, т. е. системы ее целей, мотивов, установок и интенциональностей. Он выделяет три уровня языковой личности, влияющих на особенности ее вербальных ассоциаций. Первый уровень он называет вербально-семантическим, или лексиконом, который включает в себя и знание грамматики языка. Второй — лингвокогнитивным уровнем, или тезаурусом, в котором запечатлена система знаний личности о мире. К третьему относит мотивационный уровень, или прагматикон, отражающий систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности. На практике взаимопроникновение этих уровней оказывается настолько сильным, что границы между ними разрываются, теряют свою четкость [2, с. 238—239]. Фактически каждое слово-реакция на слово-стимул в ассоциативном эксперименте имеет множественность ассоциаций, что порождает при интерпретации ответов ассоциативного эксперимента различия в классификации словесных ассоциаций.

Анализируя анкету № 1183 «Словаря ассоциативных норм русского языка», в которой представлено 100 слов-стимулов и реакций на них, Ю. Н. Караулов отмечает переплетение в них лексикона, тезауруса и прагматикона. В данном конкретном лексиконе, по его мнению, преобладают не семанτικο-парадигматические (тезаурусные) связи, а грамматико-синтаксические и ситуативно-тематические связи. Среди грамматических ассоциативных связей слов рассматриваемого лексикона он выделяет следующие: согласование (*воздух — душистый*), управление (*правиться — всем*), примыкание (*чай — с сахаром*), переходность (*двигать — стул*), атрибуцию (*сыр — плавильный*), предикацию (*песню — петь*), отрицание (*успеете — не успеете*) и др. Кроме данных моделей, в рассматриваемом лексиконе Ю. Н. Караулов выделяет отношения единиц всех строевых уровней языка. На уровне фонетики им выявляются фонетические созвучия (*жажда — дождь*) и фонетико-морфологические совпадения конца слов (*литература — прокуратура*). На уровне словообразования — морфолого-словообразовательное варьирование начала слова с помощью приставок (*привозить — отвозить*) и префиксально-суффиксальные словообразовательные отношения (*про-*

мах — отмашка). Собственно грамматические отношения представлены парадигматикой морфологических классов (*их — нам*), объединением слов по общности словоизменительной парадигмы (*семья — племя*), вариативным выражением модальности (*надо — нужно*), союзами (*и — да*) [2, с. 97—100].

Тезаурусные ассоциативные отношения выявляются им в рассматриваемом лексиконе в семантической сфере, в случаях гиперо-гипонимических (*магазинов — универсамов*) и видо-видовых (*квадрат — куб*) связей, синонимии (*неправда — ложь*), антонимии (*жизнь — смерть*), связи части и целого (*цветок — лепесток*), в тематико-ситуативной сфере (*охота — ружье*) и некоторых других связях. Здесь же он говорит и о вербально-фиксированных образах — зрительных, слуховых, двигательных [2, с. 98—99].

Представленную интерпретацию ассоциативного эксперимента можно рассматривать как классификацию видов словесных ассоциаций у языковой личности.

В. П. Белянин предлагает несколько иную классификацию словесных ассоциаций. По его мнению, при интерпретации ответов ассоциативного эксперимента следует выделять прежде всего синтагматические и парадигматические ассоциации. При синтагматических ассоциациях грамматический класс слова-стимула оказывается отличным от грамматического класса слова-реакции (*небо — голубое, машина — едет*). При парадигматических ассоциациях слова-реакции принадлежат к тому же грамматическому классу, что и слова-стимулы (*стол — стул, отец — мать*). Он выделяет также родо-видовые отношения (*животное — кошка*), реакции, имеющие фонетическое сходство со стимулом (*гость — кость*), клишированные (*мастер — золотые руки*) и личные (*мужчина — я должен*) отношения [3, с. 78].

Дж. Миллер предлагал на материале английского языка следующую классификацию словесных ассоциаций: контраст: *wet — dry, black — white*; сходство: *blossom — flower, pain — hurt*; подчинение: *animal — dog, man — father*; соподчинение: *apple — peach, dog — cat*; обобщение: *spinach — vegetable, man — male*; ассонанс: *pack — tack, bread — read*; часть-целое: *petal — flower, day — week*; дополнение: *forward — march, black — board*; эгоцентризм: *success — I must, lonesome — never*; однокоренные слова: *run — running, deep — depth*; предикация: *dog — bark, room — dark* [4, с. 140].

А. П. Клименко устанавливает следующие основные классы словесных ассоциаций, характеристика которых, по ее мнению, может считаться более или менее общепринятой: фонетические, где налицо созвучие между словом-стимулом и словом-реакцией;

словообразовательные (*желтый — желтуха*); парадигматические ассоциации, в которых слово-реакция отличается от слова-стимула не более чем по одному признаку; синтагматические ассоциации, в которых слово-реакция вместе со словом-стимулом составляют подчинительное сочетание; тематические ассоциации могут составлять вместе со стимулом сочетание слов в результате грамматического изменения слова-ассоциации или слова-стимула; реминисцентные или цитатные ассоциации (*море — старик*; по ассоциации с названием произведения Э. Хемингуэя «Старик и море»); грамматические ассоциации типа *стол — стола* или *красный — красная*, в которых реакция представляет собой грамматическую форму стимула [5, с. 10—11].

Т. Н. Наумова полагает, что в ассоциативных экспериментах четко выявляются два класса признаков: признаки собственно грамматические (или признаки грамматических классов, в которые входят слова) и признаки семантические (или индивидуальные семантические характеристики слов) [6, с. 37]. Внутри этих двух классов в зависимости от целей исследования и специфики проводимого эксперимента могут выделяться различные типы и виды словесных ассоциаций.

На разнообразие и особенности словесных ассоциаций могут оказывать влияние такие факторы, как возраст, пол, образование, место проживания испытуемых, а также иные социально-профессиональные, культурные, национальные, исторические факторы. Так, А. А. Залевская, исследуя межкультурный аспект проблемы ассоциаций, показала специфику ассоциативных связей между словами в условиях различных культур. Например, в слово-стимул *орел* 55 % испытуемых-американцев дали ответ *птица*. Этот же ответ получен у 20,5 % немцев, 16 % поляков, 16 % французов, 14 % казахов, 11 % киргизов, 10 % русских, только 7 % узбеков. На исходное слово *ножницы* слово-реакция *резать* получено у 67 % американцев, 22,5 % французов, 14,5 % немцев, 13 % поляков, 11 % русских, 7 % казахов, 7 % узбеков и 6 % киргизов [7, с. 46—47].

Как показывают исследования, на специфику словесных ассоциаций оказывают влияние и исторические факторы. Так, в тысяче опрошенных в 1910 г. американцев на слово-стимул *стул* 267 дало ответ *стул*. В 1952 г. таких ответов было уже 840 [8, с. 265]. Это свидетельствует, с одной стороны, о наличии некоторой стандартности ассоциаций у определенной группы людей в конкретный исторический период, а с другой — о исторической изменчивости степени этой стандартности.

Таким образом, модели словесных ассоциаций, обнаруживаемые в ассоциативных экспериментах, многоплановы. Они зави-

сят как от факторов субъективных (специфики ассоциативного эксперимента, целей и задач исследования и т. д.), так и объективных: социально-профессиональных, культурно-исторических, половых, возрастных. В процессе своего исторического развития словесные ассоциации могут изменяться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: Пер. с фр. М., 1977.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д. П. Шмелев. М., 1987.
3. Белянин В. П. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 78.
4. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика: Пер. с англ. / Под общ. ред. и предисл. А. А. Леонтьева. М., 1976. С. 140.
5. Клименко А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Мн., 1980. С. 10—11.
6. Наумова Т. А. Ассоциации и проблема целого высказывания // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1997. С. 37.
7. Залевская А. А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1997. С. 46—52. С. 46—47.
8. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996. С. 265.
9. Ассоциативные системы мозга: Сб. науч. тр. / Под ред. А. С. Батуева. Л., 1985.
10. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
11. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.
12. Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Мн., 1970.
13. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.
14. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
15. Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1.
16. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1997.

SUMMARY

This issue examines the types of word associations offered by different authors. It is noted that the difference between classifications depends on principles — psychological, logical or linguistic principles which underline this classifications. Models of word associations in each case also depend on specifics of the association experiment, goals and aims of the research and on social, professional, cultural, historical factors and factors of sex and age.